
ВЕКТОР МИЛИТАРИЗМА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Д.Л. Цыбаков

Кафедра национальной безопасности
Орловская региональная академия государственной службы
б. Победы, 5а, Орел, Россия, 302028

Статья рассматривает влияние милитаризации на процесс становления субъектов международной политики на постсоветском пространстве. Раскрываются предпосылки и причины воздействия военного фактора на международные отношения в период после окончания «холодной войны». Изучаются последствия милитаризации международной политики для национальных интересов России.

Ключевые слова: постсоветское пространство, милитаризм, милитаризация, международная политика, локальная война, вооруженный конфликт.

В результате принципиальной трансформации всей системы международных отношений, имевшей место после окончания «холодной войны», проблема милитаризации политики продолжает сохранять свое научное и прикладное значения. Милитаристские проявления преодолели юридические границы, превратились из монополизированных державами и военно-политическими блоками ушедшего в прошлое биполярного мира в достояние различных субъектов мировой политики.

Особенное значение приобрела неспособность традиционных государственных институтов пресечь возможность неконтролируемого распространения вооружений и военных технологий, воспрепятствовать их освоению экстремистскими движениями и террористическими организациями. Одним из регионов, где милитаризация мировой политики продолжает сохранять свою актуальность, выступает так называемое «постсоветское пространство».

Фактор вооруженной силы на всей протяжении истории международных отношений оставался и продолжает оставаться одним из главных конституирующих признаков национального суверенитета. Ввиду этого представляется целесообразным обратиться к анализу влияния фактора милитаризации на процесс становления государствами постсоветского региона в качестве акторов международной политики.

Реалиями второй половины XX столетия становится постепенное стирание различий между внутренним и внешним использованием военной силы. Процессы глобализации выводят конфликты на международный уровень, содействуя их интернационализации. Типичной чертой войн и военных конфликтов последней четверти XX столетия является утрата государственной властью монополии на распоряжение вооруженной силой как главного средства военно-политической борьбы. В качестве субъектов вооруженного противостояния проявляют себя не только государственные военные формирования, но и военизированные общественные организации.

В науке феномен милитаризма и милитаризации трактуется весьма широко. Высказывается убеждение, что в XXI столетии они имеют существенные особенности, отличающиеся от милитаристских тенденций предшествующих эпох [3. С. 345].

Относительно содержания термина «милитаризация» высказывалось убеждение, что, не ограничиваясь непосредственно военными приготовлениями, ее распространение имеет следствием трансформацию политической системы и национального сознания с учетом военных интересов [7. С. 376—377].

Дефиниция «милитаризация» должна применяться для определения процесса, носящего амбивалентный характер. Во-первых, в традиционном понимании милитаризация — это процесс подчинения общественной жизни потребностям ведения вооруженной борьбы, способный в итоге привести к перестройке общества на военный лад. Во-вторых, целесообразно указать на возможность *милитаризации политики, под которой следует понимать процесс целенаправленного или стихийного распространения принципов воинского искусства, средств, методов и технологий военного происхождения в сферу внешне- и внутривнутриполитических отношений.*

В научных кругах популярно убеждение, согласно которому милитаризм является неотъемлемым атрибутом формирующейся государственности. Так, описывая процесс образования национальных государств в связи с наступлением эпохи буржуазных отношений, замещающих традиционное государственное устройство имперского типа, Д. Блек указывал: «Неспособность принять необходимый уровень милитаризма, милитаристской культуры как составной части эффективной политико-государственной системы, милитаризованной социальной структуры и милитаристского этоса в системе международных отношений вела к фатальным последствиям» [9. Р. 214—215].

События последних десятилетий убедительно доказывают, что суждение, высказанное относительно содержания мировой политики Нового времени, в целом соответствуют и реалиям современности. Специфическое содержание процесса становления новых субъектов международных отношений во многом определяется влиянием современного милитаризма.

После распада Советского Союза в его бывших пределах происходил сложный и противоречивый процесс суверенизации союзных республик. Все они на протяжении всего существования прежде единой державы были наделены некоторыми атрибутами государственности, включая представительство УССР и БССР в Организации Объединенных Наций.

Как известно, попытки суверенизации были предприняты некоторыми союзными республиками, вернее, их сепаратистки настроенными элитами, еще в последние годы существования СССР.

Опорной площадкой для исполнения данной задачи выступали институты, служившие традиционным элементом советской политической системы, — республиканские парламенты и съезды народных депутатов.

В негосударственной сфере оплотом сторонников сепаратизма выступали различные общественные объединения, действующие в форме протопартий или так называемых «народных фронтов».

Однако уже с 1988—1989 гг. в регионах, где политическая дестабилизация достигла наибольшей остроты, отмечается появление вооруженных и военизированных формирований. Подавляющее большинство из них действующее в то время законодательство однозначно определяло как «незаконные».

Важной предпосылкой влияния практики милитаризма на процесс суверенизации государств постсоветского пространства стали попытки националистических организаций, стремящихся отодвинуть от кормила власти представителей прежней партийной номенклатуры, использовать средства вооруженного насилия для реализации своих политических амбиций.

В большинстве республик СССР обретение независимости сопровождалось массовыми беспорядками и вооруженными конфликтами, многие из которых в последующем переросли в локальные войны. Наиболее активные поборники независимости в прибалтийских и закавказских республиках уже в конце 1980-х гг. приступили к созданию альтернативных воинских формирований.

Эксперты выявили и описали весьма противоречивый феномен, состоящий в возникновении и деятельности парамилитарных, то есть «околовоенных» формирований [6. С. 233].

Последние оказались востребованы для решения нескольких приоритетных задач.

Во-первых, на ранних стадиях «перестройки», когда вопрос о создании собственной государственности еще не декларировался открыто, военизированные формирования предназначались для участия в инспирированных этнорелигиозных конфликтах. Характерным примером здесь могут служить события в Нагорно-Карабахской области, приведшие к стихийной милитаризации Армянской и Азербайджанской ССР. Схожие причины привели к появлению незаконных вооруженных группировок в Грузии, Молдавии и Таджикистане.

Во-вторых, после попыток союзных властей решить проблему сепаратизма при помощи проведения войсковых операций националистические объединения стали обзаводиться вооруженными структурами, призванными противостоять советским правоохранительным органам и вооруженным силам. В данном контексте следует воспринимать деятельность парамилитарных группировок в Грузии и прибалтийских республиках [2. С. 5—15].

В-третьих, наличие вооруженных формирований, подконтрольных националистическим элитам, служило доказательством в пользу способности последних обрести такой атрибут государственности, как военная сила.

Важным условием, способствующим возникновению различных милитаристских проявлений, признаются процессы трансформаций политических режимов, происходящих в странах и регионах бывшего социалистического лагеря. Согласно научным исследованиям, в варианте посткоммунистической трансформации не работают базовые посылы конвенциональной транзитологической модели [4. С. 44, 60].

В отличие от большинства латиноамериканских и южноевропейских (Испания, Португалия, Греция) политических систем решением противоречия между примерным равновесием консервативных и реформаторских элит не является заключение соглашения как основы дальнейшей демократизации.

Политический конфликт здесь разрешался силовым путем, в значительной степени нивелируя значение традиционных демократических процедур. Для большинства из постсоветских государств характерен вариант преобразования одной разновидности недемократического режима в другую, завершавшуюся консолидацией «новой автократии».

Для систем, сложившихся подобным образом, характерна неустойчивость институционализации, способствующая развитию практики неконституционных властных решений. Поэтому опора на различные военизированные структуры, притом далеко не всегда обретшие четкую государственную принадлежность, приобретает значение одного из приоритетных ресурсов, претендующих на обладание публичной властью элитарных группировок.

Особенности описываемого процесса находят подтверждение на примере суверенизации республик бывшего СССР. Военизированные формирования создавались в государственных образованиях, в последующем относимых и к демократическим, и к разным типам авторитарных политических режимов.

Помимо потребностей внутривнутриполитической борьбы фактор вооруженного насилия оказался востребован и в определении взаимоотношений между новыми суверенными государственными образованиями на территории СНГ. Если политические процессы в бывших республиках отличались высоким уровнем конфликтности, то взаимоотношения между многими из них также оказались далеки от добрососедских.

Основным фактором, обусловившим противоречивость взаимоотношений между странами бывшего СССР, стало несовпадение ареалов проживания этноконфессиональных сообществ с административными границами национально-государственных автономий, которым после 1991 г. было суждено стать рубежами суверенных государств.

Именно обострение, во многом искусственное, национального вопроса деформировало содержание международной политики в постсоветском регионе.

Некоторые из претендующих на независимость государственных образований предприняли попытку добиться статуса субъектов международных отношений, что вошло в противоречие с устремлениями вновь возникших политических режимов соблюдать принцип территориальной целостности бывших союзных республик.

В результате столкновения указанных тенденций стали реальностью кровопролитные межнациональные конфликты, сопровождавшиеся интенсивными боевыми действиями. Во многих республиках, избежавших прямой конфронтации, этноконфессиональные противоречия, не приводя к прямому вооруженному противостоянию, тем не менее провоцировали политическую напряженность.

Происходило формирование противостоящими сторонами вооруженных или военизированных/парамилитарных группировок, накопление вооружений, привлечение в районы потенциальных конфликтов военных технологий и специалистов из других стран и регионов. Обычными стали акции по «демонстрации силы», экономические, информационные и информационно-психологические войны.

Особую группу составляют криминальные группировки, структурированные по патронажно-клиентельному либо территориальному принципам. Они представляют главным образом страны центральноазиатского и закавказского регионов, где

сохраняются черты традиционного общества. Влияние подобных организаций на политические процессы должно быть оценено как однозначно деструктивное.

Собственно военная деятельность данной категории военизированных объединений является способом легитимации их милитаристского потенциала, используемого в целях криминального обогащения. В некоторых областях, например, в Горном Бадахшане (Таджикистан), Сванетии, Мингрелии и Панкисском ущелье (Грузия), Кадарской зоне (Российская Федерация), Ошской долине (Киргизия) и других подобные группировки в течение многих лет фактически обладали реальными властными полномочиями.

Отмеченное обстоятельство прямо связано с состоянием международной политики: на территории формально суверенных государств продолжительное время сохранялись так называемые «серые зоны», являющиеся прибежищем экстремистских организаций. Благодаря этому транснациональные субъекты международной политики обретали возможность для распространения своего влияния в различных регионах мира. Приведенные примеры свидетельствуют о незавершенности суверенитета постсоветских государств, ослабляющих их возможность выступать в качестве полноценного актора международных отношений.

Военный фактор сохраняет свое значение не только в пределах «серых зон». Практически в каждом вновь образованном государственном образовании, особенно в «непризнанных» или «частично признанных», организации участников боевых действий продолжают сохранять свой достаточно высокий статус.

Так, в Армении действует Союз ветеранов «Еркрапа» («Защитники Отечества»). В Абхазии влиятельны Союз защитников Абхазии, организация ветеранов Отечественной войны 1992—1993 гг. «Амцахара», в непризнанной Приднестровской Молдавской республике отмечалась активность Республиканского Союза защитников Приднестровья.

Во многих непризнанных государственных образованиях подобные субъекты становятся практически единственным реальным участником политических процессов, способным на реальную оппозиционность по отношению к формирующимся новым клановым автократиям.

На протяжении всего периода суверенного существования правящие элиты постсоветских государств вынуждены принимать мнение общественных организаций участников локальных войн не только относительно вопросов общественного развития, но и по поводу ключевых проблем международной политики. Многие из парамилитарных группировок имеют наднациональный характер, обмениваясь информацией, кадрами и ресурсами с аналогичными структурами из других стран и регионов в случае возникновения очередных конфликтных ситуаций на мировой арене.

Некоторые из военизированных структур сложились или долгое время функционировали за пределами постсоветского пространства. Прежде всего, речь идет о вооруженных формированиях, представлявших интересы националистических организаций, в свое время обосновавшихся в зарубежных государствах [1. С. 68—70]. Именно они сыграли заметную роль в создании боевых структур противостоящих сторон в период обострения межнациональных конфликтов в странах СНГ.

Однако по мере укрепления государственности в постсоветских республиках анархический милитаризм периода 1990-х гг. постепенно стал достоянием истории. Институты публичной власти в государствах СНГ и Прибалтики, несмотря на не вполне завершённый характер, оказались в целом способны поддержать свою монополию на применение вооруженного насилия. Большую роль в этом процессе сыграл международный фактор.

В первую очередь речь должна вестись о конструктивной роли Российской Федерации, которая дипломатическими и военными мерами внесла решающий вклад в процесс мирного урегулирования в странах СНГ. Российские миротворческие силы, в большинстве случаев наделенные мандатом Организации Объединённых Наций, несмотря на понесенные тяжёлые потери, смогли стать гарантом безопасности для населения регионов, охваченных локальными войнами и вооружёнными конфликтами.

Благодаря инициативам российского руководства сформированы международные организации, призванные противостоять угрозам военной безопасности стран СНГ.

С другой стороны, российский фактор содействовал умиротворению постсоветского пространства и косвенным образом. Территория Российской Федерации благодаря либеральной миграционной политике властей стала прибежищем для сторонников вооружённых политических организаций из некоторых стран СНГ, потерпевших военное поражение.

Однако потенциал конфликтности международной политики на постсоветском регионе, постепенно преодолеваемый благодаря усилиям России и её партнеров из стран СНГ, имеет тенденцию к воспроизводству.

Причины сохранения фактора милитаризма на пространстве бывшего СССР неоднозначны. С одной стороны, устранение с международной арены советской державы, чей военно-политический потенциал позволял эффективно сдерживать возможные территориальные и этноконфессиональные конфликты на евразийском пространстве, инициирует новые этапы межнациональной и религиозной вражды.

В обозримой перспективе едва ли следует ожидать появления на постсоветском пространстве влиятельного и авторитетного субъекта международной политики, способного принципиально разрешить накапливавшиеся в течение столетий противоречия. Многие из них на рубеже XX—XXI столетий обрели новое содержание, будучи спровоцированы недалёковидной политикой постсоветских этнократий.

С другой стороны, евразийское пространство стало объектом пристального внимания региональных и мировых держав, стремящихся реализовать здесь свои военно-политические интересы.

Правящим элитам бывших советских республик, многие из которых нередко относят к так называемым «несостоявшимся государствам», приходится испытывать давление со стороны влиятельных акторов международной политики.

Вольно или невольно военные организации стран СНГ вовлекаются в вооружённые конфликты, не имеющие отношения к национальным интересам постсоветских государств.

Так, военные контингенты Украины, Азербайджана, Армении, Казахстана, Молдавии, стран прибалтийского региона приняли активное участие в поддержании оккупационных режимов в Косово и Ираке. В последнем случае страны СНГ стали членами так называемой «Коалиции желающих», в 2003—2008 гг. формально действовавшей под эгидой Организации Объединенных Наций, однако на деле пребывающей под командованием вооруженных сил США [5. С. 151].

Сегодня в государствах постсоветского региона ведется интенсивная пропагандистская и аналитическая работа, нацеленная на популяризацию идеи их присоединения к международным военным альянсам, в первую очередь — к сотрудничеству с Североатлантическим блоком.

Примером может служить опыт функционирования неправительственной «политико-научной» организации Атлантический Совет, созданной в 1961 г. в Вашингтоне.

В состав организации входят представители крупнейших корпораций, политической элиты, военно-промышленных кругов, видные политологи. Его главной задачей является продвижение геостратегических и военных интересов атлантической цивилизации в регионах земного шара, пропаганда идеологии доминирования Североатлантического военного союза в мире.

Аналогичную роль играет Совет Евroatлантического партнерства (СЕАП), сформированный в 1997 г. по инициативе НАТО. Существует специальная Ассоциация Атлантического договора (ААД), где постоянными членами являются организации из стран НАТО, а ассоциированными — из стран-партнеров. Ее целями являются информирование общественности о задачах и целях НАТО; популяризация программы «Партнерство во имя мира». Ежегодно созывается генеральная ассамблея организации, на которой обсуждаются военно-политические вопросы и определяются политические задачи НАТО (См.: [8]).

Показательно, что Североатлантический союз фактически игнорирует идею сотрудничества с военно-политическими организациями, возникшими вследствие интеграционных процессов в странах СНГ. Например, по состоянию на 2011 г. так и не было установлено рабочих контактов с ОДКБ.

В то же время исследователи отмечают отсутствие единства среди членов Североатлантического альянса относительно принципиальных вопросов политики этой организации.

Разногласия не раз проявлялись в подходах влиятельных членов НАТО к таким проблемам, как принятие в союз новых стран, расширение зоны военных операций за пределы территории ответственности Североатлантического союза.

Ведущие европейские державы так и не выступили единым фронтом в войнах в Ираке и Ливии.

Следует поддержать мнение, согласно которому НАТО может рассматриваться как самодовлеющая бюрократическая организация, дистанцировавшаяся от своих создателей и реализующая уже не столько национальные, сколько корпоративные интересы.

В свою очередь, некоторые члены альянса реализуют на территории постсоветского региона собственную внешнеполитическую стратегию, ставя во главу угла именно фактор военной силы. Например, турецкое правительство активно уча-

ствуется в милитаризации Азербайджана, а также в 2008 г. выразило готовность вмешаться в российско-грузинский конфликт в случае, если бы он затронул территорию Аджарии.

На постсоветском пространстве с самого начала процесса формирования новых субъектов мировой политики характерной чертой стало взаимное наложение факторов внутривнутриполитической конфликтности и внешнеполитической напряженности.

Нерешенность этноконфессиональных противоречий и территориальных споров, незавершенность легитимации стран СНГ в качестве полноправных субъектов международной политики провоцирует новые милитаристские проявления на евразийском пространстве. Отмеченный фактор непосредственно влияет на состояние региональной и международной безопасности, что должно учитываться при оценке уровня защищенности национальных интересов России.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аррас Д.* Четвертая мировая война: информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. — М.: Астрель, 2003.
- [2] Вооруженные и военизированные формирования в СССР: взгляды, позиции, документы. — М.: РАУ, 1991.
- [3] *Канто А.С.* Энциклопедия мира. — М.: Книга и бизнес, 2002.
- [4] *Карозерс Т.* Конец парадигмы транзита // Политическая наука. — 2003. — № 2.
- [5] *Кузнецов Д.В.* Американское общественное мнение и использование военной силы. Период президентства Дж. Буша-младшего (2001—2009). — М.: Либроком, 2011.
- [6] *Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века. — М., 2002.
- [7] *Никонова О.Ю.* Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война. — Война как явление культуры / Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. — М.: АИФО-XX, 2001.
- [8] *Ткаченко С.Л.* Россия становится все более сильным игроком на международной арене // Санкт-Петербургский университет. — 2005. — № 2 (3691).
- [9] *Black J.* War and the World. Military Power and the Fate of Continent 1450—2000. — New Haven, 1998.

VECTOR OF MILITARISM IN THE FORMATION OF THE SUBJECTS OF INTERNATIONAL POLITICS IN THE POST-SOVIET SPACE

D.L. Tsybakov

The Department of National Security
Orel Regional Academy of the State Service
Pobeda Blvd., 5a, Orel, Russia, 302028

The article considers the impact of militarization on the process of becoming subjects of international politics in post-Soviet space. The background and reasons of the impact of the military factor on international relations since the end of the “cold war” are revealed. The effects of the militarization of foreign policy for Russia’s national interests are studied.

Key words: post-Soviet space, militarism, militarization, international politics, local wars, armed conflict.